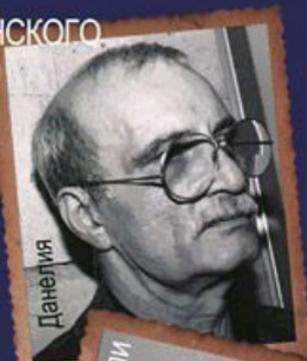

Сенсационный

ПРОЕКТ ИГОРЯ ОБОЛЕНСКОГО

Нани, Буба, Софико

*Мемуары наших
грузин*

Брегвадзе, Данелия, Кикабидзе, Чиаурели и другие....

Игорь Викторович Оболенский

Мемуары наших грузин.

Нани, Буба, Софико

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698699

Мемуары наших грузин. Нани, Буба, Софико/ сост. И.В. Оболенский. :

АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-082817-3

Аннотация

Нани. Буба. Софико. Достаточно назвать их просто по имени, и сразу становится ясно, о ком идет речь. Они появились на свет в Тбилиси, но география в данном случае совершенно ни при чем. Творчество – фильмы, песни и спектакли – Бреговдзе, Кикабидзе и Чиаурели, как и любовь, не имеет национальности. Так и Нани, Буба, Софико – наши грузины. Любимые, близкие и неповторимые. Рассказы о детстве, молодости, семье и, конечно, том, что происходило за кулисами в момент рождения шедевров, которые мы цитируем и напеваем по сей день, вне зависимости от возраста и места жительства. Имена Нани, Бубы, Софико всегда вызывали большой интерес, в том числе и чисто человеческий. Как живут, о чем переживают, с кем дружат, чему радуются. Только сейчас они, их друзья и близкие с пронзительной

откровенностью решили поведать о своей жизни в новой книге проекта Игоря Оболенского.

Содержание

Нани Брегвадзе

8

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Мемуары наших грузин. Нани, Буба, Софико Сост. Игорь Оболенский

© Оболенский И.В., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Сегодня нас окружает так много «великих» и «звезд», что эти понятия обесценились.

А между тем понять, кто звезда, очень просто: человек, которого достаточно представить всего двумя словами – именем и фамилией.

Герои этой книги и вовсе исключение.

Достаточно назвать их по имени, и станет ясно, о ком идет речь.

Потому что Нани, Буба и Софико у нас одни.

Были и есть.

Грузия – удивительная страна, своими обычаями, традициями, культурой не похожая ни на одну другую. Здесь нет чужих – каждый либо родственник, либо сосед, либо, на крайний случай, сосед или одноклассник друга. Не случайно, когда говорят о степени родства или близости, определяют просто: «Это наш близкий».

Грузию, наверное, можно сравнить с одной большой семьей. Конечно, времена меняются, такого тесного общения и дружбы, какие были раньше, уже нет. Но переплетения судеб и имен все равно потрясают.

Нани Брегвадзе и Софико Чиаурели всю жизнь были ближайшими подругами. При этом каждая из прекрасных грузинок оказалась связана – дружбой и творчеством – с Вахтангом Кикабидзе. Такой треугольник получается, в котором каждая вершина равнозначна и равновелика.

Имена Нани, Бубы, Софико всегда вызывали большой интерес, в том числе и просто человеческий. Как живут, о чем переживают, с кем дружат, чему радуются.

Мне посчастливилось познакомиться с тремя самыми, на мой взгляд, знаменитыми грузинами нашего времени. И уговорить откровенно рассказать о своей жизни.

Так родилась эта книга – о троих грузинах, троих друзьях, троих Артистах.

Нани, Буба, Софико.

Режиссер Михаил Чиаурели – отец Софико и добрый знакомый Нани и Бубы – в свое время сделал фильм, который по-грузински назывался «Рац гинахавс, вегар нахав». В переводе на русский название ленты звучало бы так: «Что видел, больше не увидишь».

Точно так же, наверное, можно было назвать и эту книгу.

Именно об этом – увиденном и невозвратном, рассказывали
мои собеседники...

Нани Брегвадзе

Осень королевы

Сложно сказать, когда я первый раз услышал Нани Брегвадзе. Кажется, ее голос звучал всегда. Вряд ли можно представить себе нашу эстраду и ее Олимп без этой Певицы.

Зато очень хорошо помню, как увидел ее первый раз. Что называется, живьем. Я только приехал в Тбилиси и оказался на проспекте Чавчавадзе, одной из главных улиц грузинской столицы. Шел по каким-то своим делам, когда заметил, что движение на проспекте почти остановилось. Все – и пешеходы, и автомобилисты – смотрели в одну сторону. Повернулся туда и я. И тут же понял причину всеобщего внимания – по проспекту шла Нани. Облаченная в черный брючный костюм, она, как мне показалось, гордо вышагивала по своему городу. А он с благоговением наблюдал за шествием великой певицы.

Я даже поймал себя на мысли, что готов поменять все свои планы на этот день, отложить встречи и направиться вслед за Нани. Просто так, чтобы проводить ее до дома и, может быть, осмелиться высказать чувства признательности и восхищения.

Нани в этот момент переходила дорогу. Пару мгновений она подождала, пока на светофоре появится зеленый свет,

и так же неторопливо, с достоинством, пересекла проезжую часть и продолжила путь.

Приблизиться к Нани я тогда так и не решился.

Зато волею судьбы, отчасти рукотворной, через несколько дней оказался в ее доме. Как автор, собирающийся писать о знаменитых грузинских женищинах и избравший одной из своих героинь актрису Софико Чиаурели, лучшую подругу Брегвадзе.

Стояла осень 2008 года, волшебная, какая бывает только в Тбилиси, окна квартиры Нани были открыты. Хозяйка провела экскурсию по своей оказавшейся весьма небольшой квартире, расположенной в пятиэтажном доме в зеленом районе Тбилиси.

А затем мы пили кофе и говорили о Софико. Точнее, говорила Нани – с восхищением, гордостью, любовью и сожалением о том, что ее Софико уже не было с нами.

Как я жалею, что тогда я не захватил с собой диктофон. И главными воспоминаниями о первой встрече с Нани у меня остались лишь эмоции, которые переполняли мою собеседницу. И еще я понял в тот раз, какой грандиозный человек – Нани Брегвадзе. Она категорически отказывалась говорить о себе, пребывая в абсолютной уверенности, что это никому не нужно и не интересно. Но была готова, кажется, не один час вспоминать о людях, встречами с которыми ее одаривала жизнь.

Таких было немало. Да и сама судьба Нани, при жизни

признанной великой исполнительницей русских романсов, тоже заслуживала отдельного разговора. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что о Брегвадзе не написано ни одной книги. Да, собственно, и рассказы Нани о себе ограничиваются короткими интервью с то и дело повторяющимися вопросами.

Тогда, осенью 2008-го, я не мог и предположить, что та встреча с Нани перерастет в доброе знакомство и даже сотрудничество – вместе мы сделаем фильм.

Но, наверное, лучше всего обо всем рассказать по порядку.

Конечно же, я не мог удержаться от соблазна предложить Брегвадзе сделать книгу. Коль скоро судьба посылает мне встречу с такими людьми (чья биография – это летопись века), грешно не принимать столь щедрые подарки.

Стоит ли говорить, что первым ответом Нани был отказ. Но после того, как мы познакомились ближе, Нани все-таки согласилась.

«Представляю, какой большой и яркой может получиться книга о Софико, – заметила Нани, – а обо мне разве что тоненькая тетрабочка».

Мы встречались много раз. Иногда я приходил в дом Брегвадзе в Тбилиси и расспрашивал хозяйку о ее детстве, родителях, первых шагах на сцене. Порою мы совершенно случайно оказывались в одном самолете, летящем в Москву или

возвращающимся в Тбилиси.

Бывает так, что любые слова твоего собеседника заслуживают того, чтобы быть записанными. Разговор с Нани Бреговдзе – тот самый случай.

Пару лет назад – снова за окном стояла осень был, кажется, сентябрь, я встретил Нани в аэропорту – она возвращалась домой, а я летел в Тбилиси на съемки. Только-только, согласно календарю, у главной грузинской певицы отгремел юбилей. Но никакого широкого празднования 75-го дня рождения, которого можно было бы ожидать, не было. Да и сама юбилярша в ответ на поздравления ответила спокойно:

«Знаете, я никогда не любила дни рождения. Потому что не чувствую возраста. Когда приходят подруги моей дочери, я себя чувствую с ними их ровесницей.

Дома меня называют Нани. Когда дочь Эка была маленькой, то спросила: «Можно тебя назвать мамочкой?» Конечно, сказала я. Но она один раз назвала по-новому, а потом опять стала звать Нани.

Хотелось бы мне быть строгой мамой и бабушкой. Но кто меня слушает? Такой, как моя мама, быть больше не может.

Мама делала все, чтобы я получила удовольствие, правда, это не должно было переходить грани. Она все для меня делала. Стоило мне что-то сказать, и на следующий день это было готово».

Мы вместе вошли в самолет. Излишне говорить, что на Нани смотрели все входящие в салон пассажиры. А она, как

тогда на проспекте, не обращала, или делала вид, на всеобщий интерес никакого внимания. Но при этом, конечно, чувствовала внимание – сидела с прямой спиной в кресле первого класса и придумала себе занятие: вскрывала флакон купленных в Duty Free духов и пробовала новый аромат.

Потом она признается, что и властным взглядом, и гордой осанкой обязана своей природной скованности. «Было время, когда даже не смела улыбаться, так стеснялась перед публикой, и до сих пор боюсь поднять глаза, чего-то стесняюсь, нервничаю, постоянно боюсь не оправдать ожидания зрителей».

Наконец, самолет оторвался от взлетной полосы, Нани откинулась в кресле и мы смогли свободно продолжить наш разговор. Когда стюардессы предложили обед, Брегвадзе заметила:

«Знаете, как вкусно готовила моя мама! Только это, казалось, и делала. А меня не учила. Что мне нравилось – так это убирать. Чистота была для меня всем. Даже в гостиницах наводила уют. Иначе не могу...»

Годы идут, не молодеем. Но жить без сцены я не пробовала. Думаю, что и не смогла бы без нее существовать.

Хотя, с другой стороны, так хочется иметь загородный дом с бассейном, большими окнами и обязательно – с роялем.

У меня домик есть, но небольшой, там я бываю пару месяцев.

Вообще, конечно, я меняюсь. Вот раньше терпеть не могла кошек. У нас никогда не было животных...

А сейчас появилась мечта: так хочу кошку!»

Но я не стану воспроизводить рассказы Нани короткими сценками. Тем более что за пять лет наших встреч сумел записать ее монологи согласно бегу времени...

– Свое имя я получила благодаря кино. А точнее, героине актрисы Наты Вачнадзе. Она играла в фильме «Золотая долина». По сюжету ее звали Нани. Предложение поработать на той картине получил и мой папа. Он был актером, окончил театральную студию. У него была роль секретаря комсомольской организации. К тому времени он уже был женат, и мама была беременна мною.

В «Золотой долине» снималась и великая Верико Анджапаридзе, которая тоже была беременна. А режиссером был Николай Шенгелая, муж Наты Вачнадзе. Которая, ну вот так получилось, тоже ждала ребенка.

В один из дней Николай сказал актрисам: «Назовите детей именами героев фильма».

Первой на свет появилась я и стала Нани. Вторым родился ребенок у Наты Вачнадзе и получил имя в честь Георгия, возлюбленного главной героини. А когда пришел черед рожать Верико, то «свободного» имени уже не было, и свою дочь Анджапаридзе назвала Софико.

Мы все очень дружили, когда подросли. А Софико и Ге-

оргий и вовсе стали мужем и женой...

Потом папа снимался в главной роли в фильме «Запорожец за Дунаем». Позже, когда писали книгу о грузинском кино, папину игру отметили. Но брали его главным образом из-за красоты. Он был очень фактурным. И еще – кривлякой...

По сравнению с другими наша семья жила хорошо. И во время, и после войны у нас дома всегда было что поесть. Папа работал в Иране и оттуда присылал посылки.

А потом стал инженером по лесному хозяйству. Работал директором лесопильного завода, затем на паркетном заводе.

Немного забегу вперед, но расскажу историю о своей учительнице музыки. Она потрясающе женственной была, очень красивой. Однажды мы с папой пошли к ней. И ему – папе – она очень понравилась. Думаю, что он ей тоже.

Когда мы вернулись домой, папа сказал маме: «Цабуния, если я разойдусь, – то из-за этой женщины». Пошутил так. А я потом пришла на очередной урок и очень наивно рассказала об этом своей учительнице. Что с ней было!

«Что-что, – говорит, – как твой папа сказал?» Потом я почувствовала, что это ей нравится. И когда порой я плохо играла на уроках, то говорила: «А мой папа вам привет передает...»

Я была единственной дочерью. Совсем маленькой жила в

доме на Мтацминда среди папиных сестер. Они с ума сходили из-за меня и мамы, на руках нас носили. Это был большой брегвадзевский двор. Не было ни заборов, ни замков. Все дружили. Такой настоящий грузинский дворик. Вот интересно, почему говорят «итальянский»? Мне больше нравится «грузинский». Всё время все были вместе.

Отец папы был богатым человеком, бизнесменом, говоря сегодняшним языком, так что жили хорошо. В их семье было шестеро детей – трое сыновей и три дочери, которые жили все вместе.

Время было, конечно, непростое. Но у нас не было страха. В нашей семье никого не репрессировали. До советизации Грузии дедушка – мамин отец, Александр Микеладзе, – работал директором банка в Кутаиси. Новая власть все у них отняла, они очень бедствовали. А потом его перевели в Тифлис. Вначале тоже директором, но потом спохватились – как это, князь и директор банка? И назначили заместителем. Но это дедушка посчитал за оскорбление и подал в отставку.

Родители не рассказывали мне о том, что происходило за окнами. Но жили они свободно, ничего не боялись. Дедушка, наверное, вовремя ушел на пенсию. Сталина называл «Умный разбойник».

А бабушка, его жена, была кутаисской красавицей. Когда выходила замуж за дедушку, который считался очень завидным женихом, все удивлялись – как она могла за него выйти? Как получилась такая красивая пара?

Семья мамы тоже была большой – шестеро сестер и один брат. Переехав из Кутаиси, они поселились в районе Вера. У маминогo отца, единственного сына очень богатых родителей, были свои имения.

Дедушка рос очень способным. Особенно ему давалась математика. А после 10-го класса он поехал в Петербург и поступил на юридический факультет.

Моя тетка, которая была знаменитой певицей и прожила 92 года, рассказывала, что дедушка еще и математический факультет закончил. Как он все успел, не знаю. У него же было 7 детей и 13 внуков.

Все мои тетки хорошо пели. Я хорошо помню, когда все собирались у нас на Мтацминда в большой квартире, какое там было пение! Моя мама старалась, чтобы я все время слышала хорошую музыку. Для нее было очень важно, чтобы все было со вкусом, у нас дома был просто культ вкуса. Особенно, когда дело касалось музыки.

У нас дома потрясающие компании собирались! Такие люди бывали, такие кутежи устраивали! И все время звучала музыка. Тетки – Елена, Гогола и Мариам – пели на три голоса. Приходила актриса Нино Чхеидзе, именно благодаря ей я главным образом впервые услышала русские романсы. Знаменитую «Калитку» поначалу пела так, как она. На радио сохранились какие-то ее записи, можно послушать.

А вот записей тети Кетеван, просто выдающейся певицы,

не существует. Ей муж не разрешил.

Иногда думаю, откуда все это пошло? Наверное, гены. Дедушкина мать была профессиональной певицей. У нее был свой салон.

Мой любимый дедушка, мамин отец, Александр Микеладзе, умер в 82 года, в 1960 году. Я тогда уже была замужем. Помню, как он сидел, читал Канта и что-то отмечал красным карандашом. У него была красивая седая борода, очень ухоженные руки, потрясающая осанка, из дому он всегда выходил с тростью. По воскресеньям на улицу для него выносили стул, он выходил и садился. Вы не представляете, какое ему выказывали уважение. «Бабу (*«дедушка» в переводе с грузинского.* – Прим. И.О.) Саша» его называли.

Тетки тоже были очень красивы, это все в Тбилиси знают. Не все успели получить образование. Раньше, совсем давно, женщинам не спешили давать образование. Они выходили замуж и хорошо жили, ухаживали за детьми. Большею частью все ограничивалось домашним обучением.

Моя мама училась в музыкальной школе. Ей хорошо давались и науки, она поступила в университет на геологический факультет. Но после того, как родилась я, оставила все. Ради меня.

Мама была рядом со мной до своего последнего дня. Ее все обожали, она была яркой личностью. Мудрая очень. Ее звали Ольгой. А няня называла ее Цабу. У всех девочек бы-

ли няни и свое второе имя. Что значит «Цабу» я не знаю. Тетку Кетеван называли Кетушей и Кетуния. Тинатин была почему-то Гогола. Мариам называли Марусиа.

Мои тетки были очень похожи на своих красивых родителей. А я всегда была очень некрасивой. Может, что-то общее только с бабушкой было.

Как-то в Ленинграде я пела «Отраду» и меня сняли на пленку. Тогда мы еще не знали, что это называется клипом. Высоко зачесали волосы, надели элегантное платье с поясом и закрытой шеей, кулон на грудь повесили. Мои тетки, когда увидели запись, начали плакать: «Мы увидели свою мать!»

Тетю Тинатин я обожала – она была очень красивой, с большими глазами. Я любовалась на ее руки, ногти, всегда с маникюром. Ей говорили: «Гогола, кажется, Нани на тебя похожа». А я была... с большим носом, рот какой-то несуразный, челка. Страшная, одним словом! И когда тетке говорили, что я на нее похожа, она отвечала: «И что мне теперь, застрелиться?»

Она шутила, но я так к этому привыкла, что никаких претензий к своей внешности у меня не было. Ни к чему претензий не было. Кроме пения.

Мама всегда пела вместе с сестрами. Одна из них, Кетеван Микеладзе, была профессиональной певицей. Очень популярной в свое время. Ей только исполнилось 18 лет, когда она попала в Москву на Декаду грузинского искусства.

Стоял 1937 год. Пела тетка очень хорошо. Есть люди с

хорошими голосами, но это еще не значит, что они умеют петь. А тетка могла. Она выступала в народном ансамбле, которым руководил отец Кахи Кавсадзе – Сандро. После концерта Сталин устроил банкет, на который пригласили всех участников декады. Как любой грузин, он хорошо пел – у него был хороший слух и голос. И он запел народную песню – ту, где мальчик и девочка подыгрывают друг другу. Там есть такие слова, переводятся как «Хоть бы мы с тобой да обнимались, хоть бы мы с тобой да целовались».

И вот поет Сталин эту песню. И кто-то должен на его «Эй ты, гого» (девочка) ответить: «Эй ты, бичо» (парень). Но все словно языки проглотили – какая бы ни была песня, это все-таки Сталин.

И вдруг моя тетка – а она всегда была довольно своевольная, худенькая, хорошенькая – вышла и ответила ему. Наступила гробовая тишина. Все испугались: что будет? А Сталин пришел в восторг, они допели до конца. Кетеван потом дали орден. У меня есть фото, на котором Калинин, который тогда раздавал награды, вручал тетке орден. А после того, как она вернулась в Тбилиси, ей еще дали и квартиру.

Мне вообще в Тбилиси, конечно, везло на встречи. И не только с людьми знаменитыми. Одним из потрясений стало знакомство с судьбой тифлисской красавицы княжны Бабо Дадиани.

Вместе с мужем Александром Масхарашвили в феврале

1921 года она, как и тысячи других грузин, проделала горький путь вынужденных эмигрантов, покидая Родину. Но в эмиграции, пусть и весьма благополучной, Бабо и Александр выдержали всего пару лет. И вернулись в Грузию, которой теперь правили большевики. Муж Бабо рассуждал: «Что со мной могут сделать новые правители, если я буду честно работать?»

Коммунисты смогли – семья Дадияни-Масхараивили была четыре раза репрессирована, ее главу расстреляли, саму Бабо с детьми несколько раз выселяли из дома, а в конце концов отправили в ссылку в Казахстан.

Не стану пересказывать все перипетии, которые пришлось пережить этой великой женщине. Я о ней написал книгу «Тупик Сталина».

А еще снял документальный фильм, на котором, собственно, и состоялось мое незабываемое сотрудничество с Брегвадзе.

Когда сценарий фильма был закончен, я долго думал о том, кто прочтет закадровый текст. В его основу легли пронзительные строки из дневника Бабо Дадияни, который она вела на протяжении всей жизни. Последними словами этой великой грузинской женщины, потерявшей мужа, близких, состояние, была просьба ко Всевышнему простить всех тех, кто доставил ей невыносимые страдания.

Фильм я делал на русском языке. Но мне хотелось, чтобы текст читала именно грузинка.

Стояла осень 2009 года. Я находился в Кобулету, приморском городке неподалеку от Батуми. Кто-то из знакомых сказал, что в соседнем прибрежном городке, Гонио, отдыхают Нани Брегвадзе с сестрой.

Сомнения рассеялись: вот кто мог бы прочесть дневники княжны Дадиани! Через общих знакомых я отправил Нани сценарий. И уже на следующий день мы обсуждали, когда будем записывать ее закадровый голос.

Когда я поинтересовался у знакомых, какова должна быть сумма гонорара, мне ответили, что поскольку Нани – народная артистка СССР, то цифра должна быть солидной. Сама же Брегвадзе, когда речь зашла о финансовой стороне дела, возмущалась: «Для меня участвовать в этом проекте – дело чести. Единственное, что вы должны иметь в виду – я дала сценарий своим знакомым. Его страницы и так уже все в слезах, так что вряд ли они могли вам пригодиться. Для работы мне понадобится еще один экземпляр».

Услышать такие слова стало честью для меня. И фактом биографии. Через несколько дней мы оказались в Тбилиси, и за два часа Нани записала весь необходимый текст. С первого раза. И это было блистательно.

Увы, в тот момент у меня не оказалось с собой видеокамеры. Потому что Брегвадзе не читала, она переживала то, о чем шла речь. Кстати, оказалось, что Нани лично знала героиню теперь уже нашего совместного фильма.

Но сам фильм состоялся. Документальная лента «Бабо»

участвовала в Международном кинофестивале авторского кино в Батуми, а затем была показана в Москве и Тбилиси.

Успех картины – это заслуга главной героини. И, конечно же, Нани Брегвадзе.

После того, как мы закончили работу в студии, Нани еще долго рассказывала о том времени, о котором шла речь в картине. Как это бывает, незаметно воспоминания перешли на историю семьи самой Брегвадзе. И они тоже достойны того, чтобы их запечатлеть.

Когда мамины сестры стали выходить замуж, дедушке из зятьев поначалу никто не нравился. Потому что он обращал внимание не только на фамилию (она должна была быть дворянской), но и на имя. «Чтобы единственного сына называть таким именем! – возмущался он по поводу одного из ухажеров своей дочери. – Это не человек!»

Моего отца он принял очень плохо. Три года не разговаривал с мамой – как она могла выйти замуж за человека по фамилии Брегвадзе? Что это за фамилия?! Ведь мамина семья носила княжескую фамилию Микеладзе.

Но что было делать? Смирился. Да и папа был человеком удивительным. Он родом из грузинского горного региона Рача. А мужчины-рачинцы потрясающие, у них такой спокойный характер. У папы он был изумительный. Я не помню, чтобы он повысил голос. Вообще не припоминаю, чтобы мои родители ругались.

Бывало смешно, когда он привозил своих друзей из Кахетии, где в тот период работал. Эти крестьяне совсем не знали русского языка. Когда мама накрывала на стол, папа обращался ко мне по-русски: «Спой, пожалуйста, «Два кольца». И я начинала: «Вам никогда не позабыть меня». И тут гость с ума сходил, потому что ни черта не понимал. А папа гордился – вот как моя дочь может! И потом мы с родителями пели на три голоса. У папы слуха не было, но с маминой помощью развился.

Папа приезжал в Тбилиси и скоро уезжал – по работе. Друзья, которые приходили ко мне, его и не знали. Как-то мы сидели за столом большой компанией, и тут входит папа. И кто-то предложил тост: «Давайте выпьем за гостя!», подумав, что гость пришел. Папа даже вздрогнул!

Сам он никогда не пил. Занимался физкультурой. У него было отличное, крепкое здоровье. Память прекрасная. А еще папа отличался аккуратностью. Открыв шкаф в его комнате, можно было позавидовать – все на своих местах лежало. Когда что-то было нужно, мы спрашивали папу и он отвечал: «Открой шкаф, там на третьей полке четвертая слева лежит».

Он ушел из жизни в 90-летнем возрасте: упал, как бывает в старости. И сломал шейку бедра.

У меня остались воспоминания о потрясающем детстве. Детьми мы все время что-то придумывали, ставили спектак-

ли. Я лазила по горам, была очень связана с природой.

Мое первое воспоминание: мне три года, бабушка поднимает меня и ставит на подоконник. Затем в памяти уже детский сад, мне шесть лет. Я, как и все Брегвадзе, была большая чистюля – всегда была в хорошеньком белом фартучке. Помню, как меня посадили на стол, я взяла гитару и спела «Калитку».

Да, я тогда уже пела. Мама мною занималась. В два года, оказывается, она спела какую-то песню, и я за ней повторила. Не слова, конечно, но мелодию – точно. «На-на-на-на», – как и мой правнук сегодня.

Мама заметила и развила это. Сначала во мне, а потом и в Эке. Если бы не мама, ничего бы не было. Ну и, конечно, все складывалось благодаря папе, который делал все, чтобы не мешать нам. Он работал по районам. И приезжал к нам в Тбилиси на выходные.

Когда к родителям приходили гости, все знали, что маленькая Нани поет. И я пела «Калитку» и «Вернись». Хотя понятия не имела, о чем эти романсы. Но голос шел. У нас дома непременно пели русские романсы. Это вообще было обязательной традицией и в Тифлисе, и в Кутаиси.

Потом, спустя годы, когда я начинала свою сольную карьеру, времена изменились. И романсы уже считались мелкобуржуазным искусством. Но у меня, видимо, не очень плохо выходило. И начальство закрывало глаза на то, то во вре-

мя моих концертов звучала «Калитка».

Долгое время на большее я не осмеливалась. А потом, конечно, у меня появилась целая программа романсов. У грузин всегда хорошо получалось петь именно русские романсы. Для меня очень дорог тот факт, что великая поэтесса Белла Ахмадулина посвятила мне «Романс о романсе», который звучит в фильме Эльдара Рязанова «Жестокий романс».

Не довольно ли нам пререкаться,
Не пора ли предаться любви...

Мне с малых лет нравилось хорошо одеваться. Помню, в одной из папиных посылок были лакированные туфли. А к ним – чудесные носки. Было у меня и черное плюшевое платье, расклешенное, с длинными рукавами и гипюровым воротником. И к нему – эти лакированные туфли. И тафтовый бант. Как красиво было! Мама замечательно меня одевала.

А еще папина старшая сестра хорошо шила. У меня знаете сколько платьев было? 12 точно в шкафу висели. И я выбирала – это надену, а это нет. А мама шлепала меня: что значит – надену или не надену!

Другое яркое воспоминание детства: обязательно, как закон, – воскресный поход в оперу. Каждый раз это был праздник. Меня обязательно наряжали. Хорошо помню свои зимние вязаные брючки. У нас с мамой были шубки из белки и красивые вязаные перчатки. Так врезалось в память: и похо-

ды в оперу, и переодевание в нарядное платье.

Вот почему надо детям все хорошее показывать – все запоминается.

А еще помню зиму. У нас в Тбилиси снег лежал. Помню большую елку на Новый год и песни вокруг нее. Мама всегда приглашала к нам Маргошку – дочку соседней-курдов, которые жили в подвале. Сначала мы, дети, пели, а потом мама раздавала нам подарки. Я обожала своих кукол, и мы часто во дворе играли в семью – я была мамой, двоюродный брат – папа, а кукла – нашей дочкой.

Потом мы переехали. Поселились напротив консерватории, на улице Грибоедова. В этом доме прожили очень долго, я в том районе и школу окончила. Квартирка у нас была маленькая-маленькая, всего 14 квадратных метров.

Мы переехали в нее, кажется, потому что нужны были деньги. Когда папа был в Иране, у нас ковер знаете был какой? С потолка до пола и даже на этом не заканчивался. Персидский, потрясающий, бордового цвета. Папа рассказывал, что в Иране перед тем как ковер продать, его стелили на улице и по нему ходили прохожие.

А когда папа вернулся в Грузию, то целый год у него не было работы. А надо же было как-то жить. И тогда родители начали все продавать. Переехали в маленькую квартирку, надеясь потом перебраться в большую квартиру, но так там и остались: у папы уже были не те возможности.

Вообще, мы жили скромно – не наряжались как-то осо-

бенно, не покупали лишнего. Но обед у нас всегда был замечательный. Каждый день собирались гости. Такие интересные компании бывали: за стол садились по 10 человек.

Все это было заслугой мамы. Она нарочно приглашала к нам, только бы не отпускать из дома меня, хотела видеть, как я себя веду, что делаю. В этом смысле она была очень строгой.

У нас бывали и мои ровесники, и те, кто старше лет на 10. Могли в два часа ночи прийти, мама сразу накрывала на стол и садилась за пианино. А в доме был общий балкон, и все соседи, конечно же, слышали, что у нас происходит. Но никто слова против не сказал! Наоборот, говорили: «Какое чудное пение! Пойте сколько хотите!»

У мамы был настоящий салон, хотя что это такое, мы тогда и не знали. Потом наши молодые гости выросли и стали художниками, поэтами, композиторами. И по прошествии времени восклицали: «Нани, оказывается, у тебя был салон!»

Тогда ведь никто не мог предсказать, кто из наших гостей кем станет. А сейчас уже никого и не осталось, кроме Гии Канчели.

А какие были друзья! Молодой Кока Игнатов, блистательный художник, был влюблен в мою ближайшую подругу Нину Месхишвили. Зураб Нижарадзе приходил, портретист, он тоже муж моей подруги.

Как-то подарил мне портрет – я с петухом. Фамилия моего

мужа была Мамаладзе, это Петухов в переводе на русский. И Зураб написал на холсте: «Нани с петухом».

Мы шутили, рассказывали что-то. А мама строго следила за тем, как кто себя ведет. Не дай Бог, кто-то не так что-то сделал. Слово не то сказал или не те манеры за столом продемонстрировал. В итоге мама делала так, что этот человек второй раз у нас не появлялся.

Я уже потом ей сказала: «Мама, так жить нельзя». И она стала более терпима. Хотя говорила иногда: «Вот в наше время!» Мне так это странно казалось. А сейчас и я, глядя на ровесников моих внуков, иногда говорю: «Вот в мое время...»

В той 14-метровой квартирке на улице Грибоедова с нами жил и дедушка. Потом он начал «гастролировать» по домам своих детей.

Мне он помогал учиться – делал задания и по математике, и по литературе. А какие он сочинения писал, какие афоризмы использовал! А я стеснялась – знала, что учительница все равно не поверит, что это я так могла написать, и все дедушкины красоты убирала.

Когда возвращалась из школы, он встречал меня, сидя в кресле: «Что мы сегодня получили?» Я, потупив голову, отвечала: «Тройку». Дедушка начинал возмущаться: «Сукины сыны, как они посмели мне тройку поставить?!» Просто с ума сходил.

И отпраплялся в школу. А там все ведь знали, какой он

умный, образованный – и сами с ума сходили: князь пришел. «Позвольте мне посмотреть, что она написала», – говорил дедушка учителю литературы. И был в шоке, когда читал мои сочинения. Возвращался домой и ругал меня. Ведь у других внуков, за которых он так же делал уроки, дед был отличником. А тут – троечником.

Но я больше внимания уделяла музыке. Нельзя сказать, что была таким уж неспособным ребенком, просто мне было лень заниматься.

Я ходила в грузинскую школу, но учила и русский язык. Дедушка все время говорил по-русски. А еще – на французском и на латинском. Я деда обожала, и все его любили. Очень он остроумный был. Обожал писать шуточные стихотворения.

Мама, да и все мои тетки, тоже была с юмором. Особенно Кетеван – это было нечто! Она умела имитировать голоса. А как она пела! Но была очень несчастна – у нее умерли двое мальчиков, двое сыновей. Умницы были, ушли друг за другом. А потом и муж академик-гинеколог умер. Как она все это пережила?

Ее тоска не чувствовалась со стороны. Какой у нее был чудный характер! Мы все любили к ней ходить. «Ой, вот я сейчас тебе что-то приготовлю», – радовалась она нашему приходу. И бросалась угощать чем-нибудь, шутила. А на стенах висели фото всех ее ушедших. Но она не подавала виду, как ей больно.

Ее дочь уже была замужем, но каждый день приходила к матери. «Нани, ты должна ее ночью увидеть», – говорила мне сестра. На теле тетки синяки были, так она себя по ночам кусала от боли и тоски. А днем была само веселье.

Кетеван жила в доме с большим балконом, на который выходили двери соседей. Когда она выходила на этот балкон, то говорила: «Я иду на проспект Руставели».

Один сосед, молодой интеллигентный парень, постоянно был пьяный. И болел из-за этого. Тетка все время ему говорила, чтобы он бросил пить. «Ничего, тетя Кето, я умру и вас там увижу». А она отвечала: «Этого мне еще не хватало, там на тебя смотреть».

Моя мама тоже была остроумной. У нее были какие-то свои выражения. Во время войны она окончила техникум телефонный, не могла не работать. Мозги у нее были математические. Позже она и моей Эке помогала уроки делать.

Как-то мама подозвала меня: «Мамочка, я очень устала. Вырастила тебя – ты моя дочь, и это мой долг. Вырастила Эку. А кто эти дети?» Она имела в виду своих правнуков Левана и Георгия. Я отвечаю: «Ты что, шутишь? Это же твои правнуки!». «Они мои дальние родственники», – сказала она.

Когда Эка приводила к нам своих детей, мама говорила: «Как я рада, что они пришли. Но еще больше обрадуюсь, когда их уведут». И у нас тоже самое сейчас происходит. Мои правнуки не знают, кто я. Они мои дальние родственники.

Теперь я понимаю, что мама имела в виду.

Так получалось, что во время наших бесед с Нани в ее доме не было никого. Может, это было совпадением. А может, моей героине самой хотелось, чтобы никто и ничто не отвлекали от путешествия по прошлому.

Потому мне запомнился день, когда едва мы начали говорить, как в дверь квартиры Брегвадзе кто-то позвонил. Нани сама открыла и через секунду представила мне неожиданного – по крайней мере для меня – гостя. Это был муж ее двоюродной сестры, Гурам Каландадзе. Он на протяжении двух, кажется, часов молча просидел в кресле. А когда монолог Нани, прерываемый моими вопросами, был закончен, батони Гурам попросил разрешения что-то добавить.

– Вы знаете, какая у них была квартира? 14 метров. Но – на улице Грибоедова. А тогда самой модной улицей Тбилиси был проспект Руставели. В самый главный день – 1 сентября, когда все возвращались из отпуска, загоревающие, похорошевшие горожане в белых костюмах расхаживали по проспекту.

А к Нани надо было только подняться по улице – и ты уже был у нее. По 10–14 у них человек собирались. Мама тут же накрывала на стол. И были песни, шутки, смех. Когда ее отец вечером возвращался домой, вся комната была заполнена народом. Он садился у выхода и слушал нас. Мог даже заснуть, так как уставал. Но он ни разу не сказал

эжене, чтобы она не позволяла нам собираться. Такой это был удивительный человек. Разумеется, у Нани просто не оставалось других вариантов будущей профессии.

Мне никто не говорил, что я должна стать певицей. Даже мама не думала об этом. Я должна была стать пианисткой, закончила консерваторию. И хорошо играла, выступала на концертах. Пока училась, то каждый день садилась за рояль. Но едва мама выходила из дома, например на рынок, я тут же бросала играть. И начинала петь. При этом фантазировала: воображала, что вокруг сидят выдающиеся певцы и музыканты. И я пела для них, у меня был настоящий сольный концерт.

Это была потребность – петь каждый день. Как только слышала, что мама входит в дом, то возвращалась к инструменту и играла классические произведения. А вечером снова пела – уже для наших гостей. С огромным чувством и любовью. Потому что видела, как они меня слушают. Это ведь очень важно – иметь хорошего слушателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.